

УДК 070:316.485

Е. В. Суслов*Марийский государственный университет, Йошкар-Ола***СВОБОДА СЛОВА И СВОБОДА ПЕЧАТИ КАК ФАКТОРЫ
ПОРОЖДЕНИЯ КОНФЛИКТОВ В ОБЩЕСТВЕ**

Сформулированная в статье проблема актуализируется необходимостью выяснения причин, порождающих конфликты в процессе реализации режима свободы печати и свободы слова, доказательства тезиса об отсутствии деструктивного компонента в подобных конфликтах, доказательства наличия общественного блага при условии их институционализированности. Автором также ставилась задача определения степени противоречивости между этими общественными явлениями, которые при определенных обстоятельствах могут перерасти в конфликт, заслуживающий исследовательского внимания. Результатом работы исследователя стали выводы о том, во-первых, что в условиях демократического устройства государства конфликты, порождаемые СМИ в результате воплощения принципа свободы печати, воспринимаются как явления привычные и даже желательные, поскольку выступают одним из индикаторов политической устойчивости государства. Во-вторых, определенная часть граждан, воспринимающая свободу печати как естественное и неотчуждаемое право, испытывают информационную фантомность от недостатка в адекватной информации и невозможности обсуждать актуальные темы на привычных информационных площадках. В-третьих, существует прямая связь между свободой печати и свободными выборами, поскольку воля избирателей, выраженная на выборах, может быть результативной тогда, когда она является продуктом широкого спектра мнений при информировании. В-четвертых, наиболее значимым фактором усиления противоречия между свободой печати и свободой слова является нарушение профессиональной этики, совершаемое журналистами, а именно – профессионального долга и профессиональной совести, которые повелевают журналистам объективно и полно информировать аудиторию.

Ключевые слова: демократические свободы, цензура, ущемление свободы печати, инквизиция, деструктивность абсолютной свободы печати, злоупотребление свободой печати, толерантность

Свобода слова и свобода печати, став одними из основных завоеваний в ходе попыток установления демократического политического порядка в стране, продолжают сохранять исследовательский интерес, поскольку их состояние выступает в роли важнейшего индекса «самочувствия» демократии в сухом остатке. Пребывая друг к другу в соподчиненной взаимозависимости, эти факторы демократического политического устройства создают такой климат общественного мнения, в условиях которой становятся возможными гражданский контроль за действиями институтов политической власти, ограниченное вторжение манипулятивных технологий в процесс формирования общественного мнения и оптимальный режим доступа к информации, необходимый для принятия взвешенных решений, как облеченными властью должностными лицами, так и простыми гражданами. Иными словами, они создают ту необходимую почти комфортную общественную атмосферу (среду), в окружении которой разыг-

рываются политические действия основных демократических политических акторов.

Априори до недавнего времени наивно представлялось, что демократические свободы создают неповторимую идиллическую картину, в которой по счастливому стечению обстоятельств у людей совпадают интересы и потребности, сглаживаются столкновение ценностей и идеологических предпочтений. Будь мы поопытнее и имей за плечами хотя бы несколько десятков лет жизни в условиях демократии, то мы бы хорошо понимали, что демократия в целом и рассматриваемые нами свобода слова и свобода печати несут в себе изрядный конфликтный потенциал, наличие которого, по мнению автора предлагаемой статьи, не является изъяном демократии, а скорее говорит о необходимости неустанной работы по регулированию конфликтов, модернизации политических режимов и институтов. И тогда оснований опасаться конфликтов как некоей угрозы не будет.

Однако спектр мнений по этому поводу распространяется от одного полюса к другому, противоположному. По мнению одних, этот конфликтный контент губителен для поддержания стабильности и порядка в стране, население которого не особенно нуждается в адекватном массовом информировании о событиях и фактах, происходящих в стране. Другие полагают, что конфликты, возникающие в процессе свободного выражения мнений и столь же свободного распространения информации в рамках Конституции и соответствующих законов, напротив, составляют тот прочный фундамент, на котором может устойчиво располагаться стабильный демократический политический режим.

Поэтому целью написания предлагаемой статьи является выяснение причин, порождающих конфликты в процессе реализации режима свободы печати и доказательство тезиса о том, что конфликты, возникающие при этом, не имеют, как правило, деструктивного характера и, будучи институционализированными, представляют собой общественное благо. Однако в контексте предполагаемой задачи следует обратить внимание на исключение из правил, когда случается злоупотребление свободой печати. Автор также видит своей задачей определение степени противоречивости между такими рядоположенными явлениями, как свобода печати и свобода слова, которые при определенных обстоятельствах, как выясняется, могут оказаться в состоянии глубокого противоречия, а люди как приверженцы этих ценностей – в конфликтных отношениях. И, наконец, автора занимает вопрос о том, почему именно в российских условиях эта разновидность конфликта имеет свою особую специфику?

Не будет преувеличением утверждение о том, что с того времени, когда впервые встал вопрос о свободе печати¹, и по день сегодняшний написано десятки, если не сотни, томов литературы, посвященной выбранной нами проблематике. В настоящей статье нет задачи рассматривать

и оценивать всю литературу по этой тематике. Да это было бы и невозможно. Однако наиболее легендарные из них, до сих пор не потерявшие своей актуальности, названы будут. Их взгляды на свободу печати и составят теоретическое основание нашего исследования.

Нельзя обойти вниманием, бесспорно, самую известную фигуру на этом поле – английского писателя и публициста Джона Мильтона, посмевшего в 1644 году опубликовать без разрешения цензуры памфлет «О свободе печати. Речь к английскому парламенту (Ареопагитика)»². В ходе своего исследования, вылившегося в исторический обзор ущемления печати, Милтон сделал шокирующее для того времени умозаключение: «Установлением цензуры мы обязаны не какому-либо древнему государству, правительству или церкви, не какому-либо закону, изданному некогда нашими предками, и не новейшей практике какого-либо из реформированных государств или церквей, а самому антихристианскому из соборов и самому тираническому из судилищ – судилищу инквизиции» [1, с. 29].

Формулируя жесткие упреки католической церкви, Милтон прибегает, как представляется, к самому неотразимому аргументу: «Если Бог предоставил человеку свободу в выборе пищи для своего тела, установив лишь правила умеренности, то он предоставил ему и полную свободу в заботе о своей умственной пище; вследствие этого каждый взрослый человек может сам заботиться об упражнении своей главной способности. Какая великая добродетель умеренность, какую великую роль играет она в жизни человека! И, тем не менее, Бог с величайшим доверием предоставляет пользование этим благом каждому взрослому человеку, без какого-либо закона или повеления» [1, с. 32].

Другой довод Мильтона в пользу свободы печати заключается в утверждении: «Если познание и зрелище порока в этом мире столь необходимы для человеческой добродетели, а раскрытие заблуждений – для утверждения истины, то каким другим способом можно вернее и безопаснее проникнуть в область греха и лжи, как ни при помощи чтения всякого рода трактатов и выслушивания всевозможных доводов? В этом и состоит польза чтения разнообразных книг» [1, с. 34].

В логичности приводимых доводов, как видим, отказать Мильтону как борцу с цензурой сложно.

¹ Впервые существование проблемы несвободы печати, пожалуй, было зафиксировано в Англии. Это случилось еще в конце XV века, когда король Генрих VII создал цензурное учреждение с романтическим названием «Звездная палата», цель которой заключалась в борьбе с инакомыслием и со всеми врагами королевской власти: реальными и мнимыми. Закон разрешал печатать книги всего в нескольких городах – Лондоне, Кембридже и Оксфорде. Печатанию книг предшествовала светская цензура, которую осуществляли университетские профессора, и духовная цензура, обеспечиваемая епископом Кентерберийским. Однако самим понятием «свобода печати» политики и журналисты того времени еще не оперировали.

² Этот знаменитый памфлет признан своего рода Библией свободы печати. Эта работа и книга «Иконоборец» были сожжены на костре в 1660 г., а сам автор был арестован и заключен в тюрьму.

Между тем Мильтон, видимо, понимая невозможность противостояния цензуре, а в некоторых случаях даже ее полезность, рассуждает по поводу способностей, которыми в таком случае должен обладать каждый цензор: «не может подлежать сомнению, что тот, кто поставлен судьей над жизнью и смертью книг, над тем, следует ли допускать их в мир или нет, обязательно должен быть человеком выше общего уровня по своему трудолюбию, учености и практической опытности; в противном случае в его суждениях о том, что допустимо к чтению, а что нет, будет немало ошибок, а потому и немалый вред» [1, с. 42].

Исходя из этого, автор делает вывод о том, что «ни один достойный человек, кроме явного расточителя своего досуга, не захочет заместить обязанности цензора, если только он прямо не рассчитывает на цензорское жалование, то легко себе представить, какого рода цензоров мы должны ожидать впоследствии: то будут люди невежественные, властные и нерадивые или низкого корыстолюбия» [1, с. 42]. Не хочется верить, что сам Мильтон, когда в Англии все-таки был принят закон о цензуре, сделался впоследствии цензором печати, покусившись на высокое цензорское жалование или изменив своим либеральным взглядам. Скорее всего, он исходил из представления о деструктивности абсолютной свободы печати при невмешательстве государства и общества. Именно поэтому «он настаивал, чтобы книги папских фанатиков подвергались цензуре, так как в борьбе за добродетель терпимость в отношении нетерпимого будет пагубной. Он считал необходимым закон о наказании за публикацию любых непристойностей» [2, с. 24]. Иными словами, еще не оперируя понятием «конфликт», он все-таки ратует за ограничение толерантности в ситуациях, когда терпимость без границ приводит к конфликту «с нулевой суммой»¹.

Впервые же термин «свобода слова» был упомянут в Билле о правах (1689 г.) в сочетании со свободой «дебатов», в соответствии с которым слушания в Парламенте не могли быть причиной для привлечения к ответственности в суде и не могли подвергаться сомнению за пределами Парламента (парламентский иммунитет).

Наращивание аргументов в пользу свободы печати продолжалось в стенах Британского парламента и связано это с именем адвоката, позже

прокурора Томаса Эрскина, который выступил в 1792 г. в защиту английских парламентариев, открыто симпатизировавших Французской революции, за что и преследовавшихся английским правительством. Симпатизанты обвинялись в измене родине, и репрессии имели перспективу приобрести массовый характер. Среди преследуемых оказался и автор знаменитого трактата «Права человека» Томас Пейн. Главным аргументом в пользу Пейна было утверждение Эрскина о том, что «обвинение Пейна в клевете, подстрекающей к неповиновению парламенту, является необоснованным, так как противоречит основному принципу английской конституции – принципу свободы печати» [2, с. 17]. Адвокат исходил при этом из убеждения, что «свобода печати является неотъемлемым, естественным правом личности, дарованным Творцом, поэтому оно не может быть отменено никакой земной властью» [2, с. 17]. Очевидно, что Эрскин не мог не разделять точки зрения своего подзащитного, который считал, что «все люди обязаны уважать естественное право сограждан беспрепятственно выражать собственные взгляды. Он отрицал, что свободное осуществление этого права с помощью свободной печати приведет к мятежу и беспорядкам. Гражданские споры, ведущиеся при помощи чернил, не приводят к кровавой гражданской войне» [2, с. 18].

В сущности, Томас Пейн вооружает нас аргументом в пользу тезиса о том, что конфликты, возникающие при реализации режима свободы печати, не имеют деструктивного характера. Более того? «правление, опирающееся на сознательное обсуждение гражданами основных проблем, по сути, является умиротворяющим. Независимая печать, подобно копьё мифологического героя, способна сама исцелять раны, которые наносит политике государства» [2, с. 18].

Однако государство или, точнее сказать, люди, представляющие его интересы, обычно остро реагируют на критику в свой адрес, что и порождает конфликты межинституционального характера. С одной стороны, они могут привести к отчуждению сторон и продолжительному противостоянию, с другой – к политике изменений за счет интерпретации конфликта как, в целом, положительного явления, способствующего разрешению длительного времени накапливающегося противоречия. Если в условиях демократического устройства государства конфликты, порождаемые СМИ в результате воплощения принципа свободы печати, воспринимаются как явления привычные и даже желательные, поскольку выступают одним

¹ Конфликт, в котором интересы сторон полностью противоположны. В таком конфликте «выигрыш» одной стороны точно равен «проигрышу» другой, а в итоге сумма выигрышей равна нулю.

из индикаторов политической устойчивости государства, то в иных условиях подобные конфликты есть нонсенс. Они не могут стать достоянием публичного пространства, поскольку ангажированные СМИ не касаются «больных» тем, чем способствуют утверждению межличностной коммуникации, основанной на слухах и домыслах. И это, в конечном счете, приводит к накоплению нередко взрывного конфликтного потенциала. Но если подобный сценарий по разным причинам все же отдалается, то определенная часть граждан, воспринимающих свободу печати как естественное и неотчуждаемое право, испытывают информационную фантомность от недостатка в адекватной информации и невозможности обсуждать актуальные темы на привычных информационных площадках.

Возвращаясь к классикам свободы печати, отметим, что в Англии, ставшей своего рода прародительницей феномена свободы печати, утвердились четыре типа аргументов в ее пользу. Они и составили в будущем теоретическую базу для развития концепций свободы печати в Европе, США и России. Они же – при близком рассмотрении – позволяют обнаружить глубоко залегающие пласты конфликтов.

С теологическим подходом, ярким представителем которого был Мильтон, мы познакомились, и он почти убедил нас в том, что свобода печати не может быть источником разрушительных конфликтов. Однако проблема осмысления возможного злоупотребления свободой печати классиков еще не занимает, поскольку этих прецедентов в условиях авторитарных монархий того времени просто не существует.

К теологической парадигме примыкает подход, основанный на праве личности, обеспечение которого возлагается на печать. Производным от естественных прав личности считал свободу печати М. Тиндел, автор работы «Аргументы против ограничения свободы печати». Его доказательства в пользу свободы печати основаны на близком к Мильтону представлении о том, что «люди есть разумные существа, наделенные от Бога способностью находить истину среди различных мнений, поэтому ограничения свободы печати противоречат христианству и нарушают естественные права личности» [2, с. 25]. По Тинделу, «подобно верному стражу независимая печать исключает всякие неожиданности и вовремя предупреждает о приближении любой опасности» [2, с. 25]. В сущности, Тиндел тоже не видел оснований для беспокойства по поводу свободной печати.

Куда как опасней ему представлялись парламентская ложь и попытки установить всевластие правительства, противовесом чему и выступает свобода печати.

Третий подход, названный утилитаристским, исходил из характерного для философов-утилитаристов принципа наибольшего счастья для наибольшего числа людей, и концепция «рассматривала цензуру государства в отношении общественного мнения как официально санкционированный деспотизм и нарушение принципа максимизации счастья подданных» [2, с. 26]. Политический философ И. Бентам, стоявший у истоков теории политического утилитаризма, был убежден в том, что корыстные интересы преобладают в деятельности любого правительства. И это происходит потому, что по природе своей человек, облеченный властью, если сегодня не совершил злонамеренного поступка, то сделает это завтра, поэтому оградить его от такого поступка можно лишь реакцией общества, проинформированного о возможных действиях. И средством сдерживания от подобного рода деспотизма могут стать «расширение избирательной базы, тайное голосование и частые перевыборы» [2, с. 27]. В сущности, речь идет о должной заинтересованности правительств быть под неусыпным вниманием прессы, что как минимум обеспечивает его стабильное положение в обществе. Кроме того, Бентам обнаруживает прямую связь между свободой печати и свободными выборами. Это означало, что воля избирателей, выраженная на выборах, может быть результативной в том случае, если она является продуктом широкого спектра мнений при информировании. Как видим, Бентам предостерегает, говоря конфликтологическим языком, от накопления деструктивного конфликтного потенциала. Свобода печати, по Бентаму, не может привести к мятежу и гражданской войне, а вот его отсутствие грозит самым непредвиденным развитием событий.

И, наконец, четвертый подход к защите свободы печати предполагал, что свободный публичный обмен мнениями обеспечивает людям движение к истине. И в рамках этого принципа не было равных Дж. Миллю, автору труда «О свободе» (1859 г.), в котором он приводит оригинальные доводы в пользу свободы печати как средства независимого обмена мнениями. По Миллю, любое мнение, замалчиваемое только из-за того, что оно считается неверным, может оказаться верным, поскольку соответствует фактам и выдерживает самую строгую критику. Замалчиваемое мнение,

разделяемое определенным количеством людей и тем более решительных, потенциально является конфликтным. Опасность такого рода конфликта заключается в ее латентном характере и – как следствие – в неизвестности его параметров, возможно, критических, которые при определенных обстоятельствах могут сыграть злую шутку с теми, кто пытался их не замечать.

Другое утверждение Милля строится на логическом следовании: даже если какое-то мнение окажется ложным, оно все равно часто содержит хоть крупицу истины [2, с. 27]. Из этого следует, что истина открывается лишь тогда, когда происходит столкновение одних мнений с другими. В данном случае философ рассуждает в широком контексте, не отличая свободы печати от свободы слова.

Гораздо важнее здесь отметить то, что мнения почти всегда являются производными от анализа и синтеза целого, воспроизведенного в фактах, которые, в свою очередь, бывают ложными или подлинными. Свобода печати, конечно, не может однозначно обеспечивать точность воспроизводимых фактов, однако, она предстает в виде необходимого условия для этого. Публичное оперирование как можно более точными фактами, что является прерогативой аутентичной журналистики, делает конфликтную ситуацию более открытой и близкой к разрешению. К этому подталкивает информированность о реальных ресурсах оппонентов. И если силы конфликтантов сопоставимы, то теряет всякий смысл дальнейшее пребывание в этой дискомфортной ситуации. При иной раскладке сил у более сильного возникает соблазн взять верх над своим оппонентом, но режим свободы печати, обеспечивающий прозрачность действий, и в этом случае ограничивает его действия и подталкивает к достойному поведению, следованию определенным правилам игры. В противном случае победа может оказаться для победителя пирровой. С потерей лица и репутации.

В рамках предлагаемой статьи мы не вправе обойти стороной и российский взгляд на проблематику свободы печати, несмотря на то, что актуальность она приобрела позже, чем на западе.

Собственные представления о свободе печати в России начали формироваться к началу XVIII века, когда в стране возникла газетная периодика, экономический стимул для развития приобрело книгопечатание. Эти новые направления просвещения и информирования вкуче с пропагандой получали высочайшее разрешение, исходя из идео-

логических соображений укрепления самодержавной власти и ограничения прав инакомыслящих на собственные убеждения и взгляды.

Как отмечает современный российский исследователь масс-медиа Т. Иларионова, «печать явилась для России «продуктом импорта из Европы», цензура же стала отечественным «изобретением», призванным защитить власть в империи от проникновения крамольных, возбуждающих общество идей из той же Европы» [3, с. 5]. Цензура в России первоначально утвердилась в духовной сфере в годы правления царя Алексея Михайловича под благовидным предлогом исправления церковных обрядов и богослужебных книг. «В отличие от противоборства католичества и протестантства в европейских государствах, в результате которого стали сосуществовать обе христианские конфессии, в России раскол привел к формированию и в последующем к укоренению своеобразной психологии гражданской войны, в которой одна противоборствующая сторона способна взять верх над другой, стать победительницей» [3, с. 5].

Светская сфера покорилась цензуре без сопротивления, но и без заметных случаев сопротивления ей. Внешний фактор укрепления института цензуры оказался решающим. Революция во Франции заставила трепетать все монархические дома Европы, в том числе и России, что выразилось в ужесточении порядка функционирования нарождающейся печати и книгоиздательского дела. Отношение государства к печати было индикатором иногда меняющихся режимных характеристик самодержавия. По Т. Иларионовой, «правовые акты о печати становились на протяжении столетий своеобразным пробным камнем общеполитического курса того или иного российского императора. Традицией стало, что каждый вновь всходящий на престол принимал прямо противоположные прежде существовавшим указы о печати». Иными словами, «заморозки» в отношении к печати чередовались с «оттепелями», что в литературном отношении открывало простор для творчества писателей, журналистов, а в конфликтологическом – «стравливало» накапливавшийся разрушительный конфликтный потенциал. В один из «оттепелей» в эпоху царя-реформатора Александра II была даже предпринята попытка отмены предварительной цензуры для многих общественно-политических изданий, однако, успехом она не увенчалась.

Формально торжество свободы печати в Россию пришло с принятием Закона о СМИ в 1991 г. и Конституции РФ в 1993 году. Так, в ст. 29

Конституции РФ запрет цензуры отнесен к числу основных гарантий свободы массовой информации. Однако понятие «свобода печати» в тексте Конституции РФ заменено словосочетанием «свобода мысли и слова». Между тем, как нам представляется, они не эквивалентны, поскольку свобода слова есть производное от свободы печати, но между ними априори существует определенное противоречие, иногда перерастающее в конфликт. Наиболее значимым фактором усиления противоречия между свободой печати и свободой слова является нарушение профессиональной этики, совершаемое журналистами, а именно – профессионального долга и профессиональной совести, которые, будучи своеобразными путеводителями в профессии, повелевали журналистам объективно и полно информировать аудиторию с целью ее ориентации в сложных политических и социально-экономических условиях реальной действительности. Связано это было либо с забвением императивов долга и совести, либо с отказом их выполнять по причине давления, оказываемого на них структурами власти.

Кроме этического компонента, влияющего на состояние отношений между свободами печати и слова, существует и организационный, связанный с российскими особенностями права на доступ к информации журналистов и простых граждан. При этом надо признать, что в решении проблемы права на доступ к информации нет единства даже у западных стран. Так, американское законодательство утверждает, что правом на доступ к информации обладает любой гражданин, и журналист не имеет каких-либо привилегий на его получение. Конституции Австрии, Голландии и Швеции также гарантируют своим гражданам право на доступ к информации. В этих государствах действуют по принципу: что не запрещено напрямую, то разрешено. Но есть такие страны в Европе, как Германия и Испания, где граждане свое право на получение информации осуществляют через СМИ.

Такое положение, закрепленное в законодательстве, существует и в России. В ст. 38 Закона о СМИ («Право на получение информации») зафиксировано: «Граждане имеют право на оперативное получение через средства массовой информации достоверных сведений о деятельности государственных органов и организаций, общественных объединений, их должностных лиц». Далее в законе говорится о форме предоставления информации СМИ по их запросу, а также путем проведения пресс-конференций, рассылки справоч-

ных и статистических материалов. На каждом из этих этапов может быть сбой в получении информации. Очевидно, в массмедиапрактике упомянутых стран запада эти сбои, если они случаются, не беспокоят массовую аудиторию, поскольку весьма эффективны этические кодексы поведения журналистов, да и государственные органы достаточно открыты для общения с журналистами. В противном случае факты сокрытия жизненно важной для граждан государственной информации расцениваются как должностное преступление, за которым неминуемы отставка и крушение карьеры.

Для российских политиков, государственных чиновников такой угрозы не существует, поэтому господствует практика распространения дозированной, а то и ложной информации. Они же выступают мощным ресурсом манипулирования общественным мнением. Остается рассчитывать на журналистов, которые знают и помнят о существовании ст. 49 Закона о СМИ, в соответствии с которым они выполняют общественный долг, и государство гарантирует им защиту чести и достоинства, здоровья и жизни, имущества.

Итак, свобода слова и свобода печати могут вполне сосуществовать, обеспечивая друг другу коэволюцию, когда развитие одной системы способствует совершенствованию другой системы.

Таким образом, анализ причин, порождающих конфликты в процессе реализации режимов свободы печати и свободы слова, определение степени противоречивости отношений между этими рядоположенными явлениями позволяет сделать следующие выводы:

– свобода слова и свобода печати несут в себе изрядный конфликтный потенциал, наличие которого не является изъяном демократии, но требует неустанной работы по регулированию конфликтов, модернизации политических режимов и институтов;

– в условиях демократического устройства государства конфликты, порождаемые СМИ в результате воплощения принципа свободы печати, воспринимаются как явления привычные и даже желательные, поскольку выступают одним из индикаторов политической устойчивости государства;

– определенная часть граждан, воспринимающая свободу печати как естественное и неотчуждаемое право, испытывают информационную фантомность от недостатка в адекватной информации и невозможности обсуждать актуальные темы на привычных информационных площадках;

– проблема осмысления возможного злоупотребления свободой печати классиков не занимала, поскольку подобных прецедентов в условиях авторитарных монархий того времени не существовало;

– существует прямая связь между свободой печати и свободными выборами, поскольку воля избирателей, выраженная на выборах, может быть результативной тогда, когда она является продуктом широкого спектра мнений при информировании;

– замалчиваемое мнение, разделяемое определенным количеством людей, и тем более решительных, потенциально является конфликтным из-за латентного его характера и невозможности определить его параметры, которые при определенных обстоятельствах могут быть критическими;

– свобода печати не может однозначно обеспечивать точность воспроизводимых фактов, но она служит необходимым условием для этого. Публичное оперирование точными фактами делает конфликтную ситуацию более открытой и близкой к разрешению;

– наиболее значимым фактором усиления противоречия между свободой печати и свободой слова является нарушение профессиональной этики, совершаемое журналистами, а именно –

профессионального долга и профессиональной совести, которые повелевают журналистам объективно и полно информировать аудиторию;

– утвердившееся в России на законодательном уровне положение о праве граждан страны на получение информации о деятельности государственных органов и организаций, общественных объединений, их должностных лиц через средства массовой информации таит в себе определенную опасность искажения информации из-за недобросовестности и непрофессионализма журналистов, утаивания информации или использования дозированной информации представителями властных структур.

1. Власть и пресса в России: к истории правового регулирования отношений: (1700–1917): Хрестоматия. М.: Изд-во РАГС, 1999. 237 с.

2. Кин Джон. Средства массовой информации и демократия. М.: Памятники исторической мысли, 1994. 170 с.

3. Мильтон Дж. Ареопагитика (Речь к английскому парламенту о свободе печати) // История печати: Антология. М.: Аспект Пресс, 2001. 419 с.

Статья поступила в редакцию 6.01.2016 г.

Для цитирования: Суслов Е. В. Свобода слова и свобода печати как факторы порождения конфликтов в обществе. 2016. № 1 (21). С. 74–81.

Об авторе

Суслов Евгений Валерианович, кандидат политических наук, доцент, Марийский государственный университет, Йошкар-Ола, esuslov@mail.ru

E. V. Suslov

Mari State University, Yoshkar-Ola

FREEDOM OF SPEECH AND FREEDOM OF THE PRESS AS FACTORS LEADING TO CONFLICTS IN SOCIETY

The problem formulated in the article was the result of the necessity to identify the causes of conflicts in the process of implementing the regime of the press freedom and the speech freedom. There is a need in the proof of the thesis that there is no destructive component in such conflicts, in the proof of the presence of the public good provided its institutionalization. The author also has the task to determine the degree of inconsistency between these social phenomena, which under certain circumstances could escalate into a conflict that deserves research attention. The results of the research were the conclusions that, firstly, in a democratic state system, conflicts, generated by the media as a result of realization of the principle of freedom of the press, were perceived as usual and even desirable phenomenon, because these conflicts appear like one of the indicators of political stability of the state. Secondly, some of the citizens, perceiving freedom of the press as a natural and inalienable right, have information

illusiveness from lack of adequate information and an inability to discuss actual topics in habitual informational areas. Third, there is a direct connection between the freedom of the press and free elections, as the will of voters expressed in the elections can be effective when it is the product of a wide spectrum of opinions at informing. Fourth, the most important factor in strengthening the contradiction between the freedom of the press and freedom of speech is a violation of professional ethics, committed by journalists. Namely - a violation of professional duty and professional conscience, which challenge the journalists to inform the audience objectively and completely.

Keywords: democratic freedoms, censorship, denial of freedom of the press, inquisition, destructiveness of the absolute freedom of the press, abuse of press freedom, tolerance

1. Mil'ton Dzh. Areopagitika (Rech' k anglijskomu parlamentu o svobode pečati) [Areopagitica (Speech to the British Parliament on the freedom of the press)]. *Istorija pečati = Print Story: An Anthology*. M.: Aspekt Press, 2001, 419 p.

2. Kin Dzhon. Sredstva massovoj informacii i demokratija [Media and Democracy]. M.: Pamjatniki istoričeskoj mysli, 1994, 170 p.

3. Vlast' i pressa v Rossii: k istorii pravovogo regulirovanija otnoshenij: (1700–1917) [The power and the press in Russia: the history of legal regulation of relations: (1700-1917)]: hrestomatija. M.: Izd-vo RAGS, 1999, 237 p.

Submitted 6.01.2016.

Citation for an article: Suslov E. V. Freedom of speech and freedom of the press as factors of generation conflicts in society. *Vestnik of Mari State University*. 2016, no. 1 (21), pp. 74–81.

About the autor

Suslov Evgenij Valerianovich, Candidate of Political Sciences, Associate Professor, Mari State University, Yoshkar-Ola, esuslov@mail.ru